

Gregoriana

Scripta

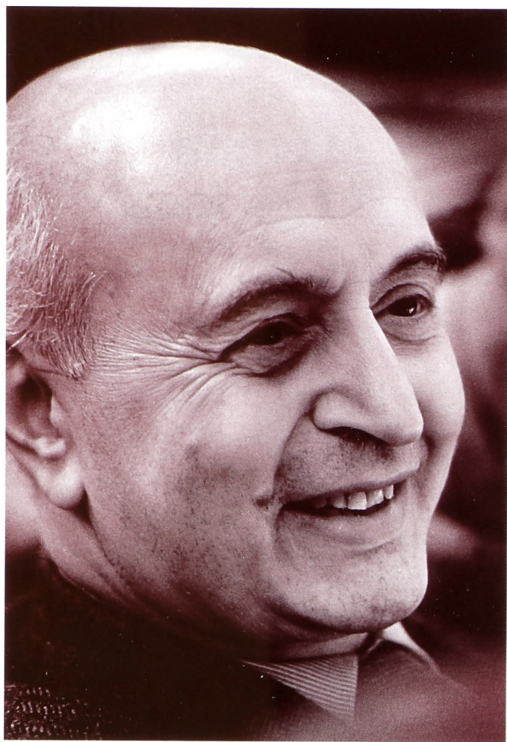
Scripta

Gregoriana

Scripta Gregoriana

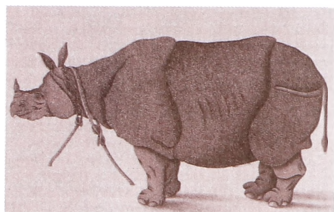

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Отделение историко-филологических наук

Scripta Gregoriana

Сборник
в честь семидесятилетия
академика Г.М.Бонгард-Левина

МОСКВА
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2003

УДК 9+8
ББК 63+80
С45

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 03-01-00323*

*Издательство благодарит за содействие в выпуске книги
Институт практического востоковедения (г. Москва)*

Редколлегия
В.А. Головина, С.Г. Картюк

Ответственный редактор
академик *С.Л. Тихвинский*

Редактор издательства
Н.В. Баринова

Scripta Gregoriana : Сборник в честь семидесятилетия академика Г.М. Бон-
С45 гард-Левина / Отв. ред. акад. С.Л. Тихвинский. — М. : Вост. лит., 2003. —
526 с. : ил. — ISBN 5-02-018383-0 (в пер.).

Статьи ведущих отечественных ученых в области востоковедения, антиковедения, русской истории и культуры, вошедшие в сборник, объединены в разделы «Древние цивилизации Востока», «Проблемы античной истории и культуры», «Античное наследие в культуре России», «Грани русской культуры России и русское зарубежье», «Всеобщая история и культура». Многие статьи содержат уникальные публикации ранее неизвестных текстов и научных документов.

ББК 63+80

ISBN 5-02-018383-0

© Российская академия наук
Издательская фирма «Восточная литература», 2003

КАЛИДАСА

Поэмы

Перевод с санскрита В.Г. Эрмана

РОД РАГХУ

Песнь I

Посещение обители Васиштхи

1. Ради истинного проникновения в слово и его значение я склоняюсь перед Парвати и Высшим Владыкою, родителями вселенной, столь же тесно, как слово и его значение, слитыми в неразрывном союзе.

2–4. Что в сравнении с царским родом, от Солнца свое происхождение ведущим, ограниченный мой разум? В ослеплении своем вознамерился я пересечь на хрупком плоту трудноодолимый океан! Неразумный, я подвергну себя только насмешкам, тщась обрести славу поэта, подобный карлику, из алчности простирающему руки к плоду, лишь для высокого человека достижимому. Но, может быть, в этот царский род, куда врата для слова уже были отверсты древними певцами, отыщется путь и для меня, как для нити в драгоценный камень, уже просверленный алмазом.

5–10. Итак, тех, что хранили чистоту свою от самого рождения, доводили начинания свои до успешного завершения, властвовали над землею до самых берегов океана; тех, чьи колесницы беспрепятственно достигали небесных врат; тех, что свершали приношения Огню по правилам, одаряли просителей по их желаниям, карали по вине, восставали от сна в урочный час, собирали богатства лишь для того, чтобы отдать их нуждающимся; в речах сдержанных ради правдивости, победы одерживавших ради славы, в семейную жизнь вступавших ради потомства; тех, что в детстве обретали знания, в молодости искали наслаждений, в старости становились отшельниками, а в час кончины уходили из жизни путем сопряжения с Высшим, — царей рода Рагху воспою, хоть и скудны силы речи моей, достоинствами их, слуха достигшими, на дерзание это вдохновленный. Тому да внемлют благие, способные различать благое и неблагое; ведь в огне проверяется золото — чистое ли или с примесью оно.

11–16. Был некогда царь по имени Ману, сын Вивасвана, почитаемый мудрыми, первый из властителей земли, как первое слог Ом из слов, слагающих священную речь. В чистом роду его рожден был чистейший — Дилипа, царь-месяц, месяцу по-

© В.Г. Эрман, перевод, 2003

добный, рожденному из Молочного океана. С широкой грудью и тура плечами, высокий, как дерево сал, долгорукий, казалось — то был сам воинский долг, воплощенный в теле, достойном его деяний. Он высился, подобно горе Меру, осеняя собою землю, своей крепостью все одолевающий, блеском все затмеваящий, возвышенностью все превосходящий. Его ум равен был телесной его силе, знания — под стать его уму, начинания — его знаниям отвечали, успехи — его начинаниям. Царскими своими достоинствами, как грозными, так и влекущими, для подчиненных ему он был равно и неприступен, и любезен, как океан — чудовищами и сокровищами своих глубин.

17–30. Ни на волос не отклонялись его подданные с пути, проложенного со времени Ману, как с колеи обод колеса у доброго колесничего. Для их же блага взимал он налоги со своих подданных — ведь только для того собирает воду в облака солнце, чтобы сторицей излить ее обратно на землю. Войско было для него — как знак царского достоинства, а средств для достижения цели два: нетленная мудрость, заключенная в шастрах, и напряженная тетива его боевого лука. Предприятия его, чьи замыслы всегда покрыты были тайной, облик же и поведение непостижимы были, только в плодах своих становились явны, как в укоренившихся впечатлениях — деяния прошлых рождений. Он берегся, не ведая страха, веру блюл, не будучи больным, без алчности умножал богатство, без возжелания вкушал наслаждение. При великом знании — молчаливость, при великой мощи — снисходительность, при щедрости — неприятие лести, и каждые оба достоинства в сочетании этом, казалось, один имеют источник. Не приверженный к мирскому, прозревший науки до самого предела, он, черпающий радость в добродетели, обрел мудрость преклонных лет без сопутствующей им немощи. И для подданных своих, благодаря воспитанию в них послушания, защите их и заботе о них, был он подлинно отцом, отцы же собственные их — только родителями были. У него, мудрого, что карал кару заслуживших — ради мира в стране, женился же — ради потомства, даже Польза и Желание оба обратились в Добродетель токмо. Он доил землю ради жертвоприношения, Индра же — небо ради урожая; так, обмениваясь богатствами, поддерживали оба порядок в обоих мирах. Не могли, право, равняться с ним в славе защитника другие цари, ибо при нем воровство, от чужого имущества отвращенное, только и осталось что в звучании слова. Воспитанного человека, даже враждебного, он приветствовал, как приветствует больной целебную траву, порочного, даже любезного ему, отсекал, как ужаленный змеею палец. Воистину, средоточением великих сил природы создал его Создатель, ибо единственно во благо других все достоинства его служили. И он правил землею безраздельно, как единым городом, опоясанным как стенами — берегами и как рвами — океанами.

31–33. У него была жена Судакшина, в роду царей Магадхи рожденная, чье жертвенностью было отмечено имя, как жена у Жертвоприношения — Дакшина, жрецу вознаграждение. И хотя много было у него жен в дворцовых покоях, лишь благодаря ей и Лакшми, богине счастья, почитал себя истинно супругом повелитель земли. Мечтая о рождении сына у нее, жены, царя того достойной, он пребывал в ожидании исполнения своих желаний, уже затянущемся.

34–35. И вот, чтобы совершить обряд ради обретения потомства, он сложил с себя тяжкое бремя правления миром, поручив его своим советникам, и, почтив Создателя, царственная чета, благочестиво чающая рождения сына, отправилась в обитель досточтимого наставника их, Васиштки.

36–37. Они взошли вдвоем на одну колесницу, катящуюся с шумом ровным и гулким, подобные Молнии и Айравате, воспарившим на грозовой туче. Дабы не нарушить мир обители, слуг малое число они взяли с собою, но само величие осанки словно полками их окружало.

38–47. В пути ублажают их ласковые ветерки, напоенные ароматом, от деревьев сал исходящим, и разносящие цветочную пыльцу, тихо колебля лесные заросли; меж тем они внимают крикам лесных павлинов, поднимающих головы на стук колес, — а крики эти радуют слух двойным различием голосов, в которых звучит шестерная нота; в глазах двух ланей, отбежавших немного от дороги и взирающих на колесницу, глаза друг друга они узнают; где-то заставляет их поднять лица к небу неясное, но благозвучное курлыканье журавлей, вытянувшихся в вышине вереницами, как гирляндами, словно бы над входом без колонн поддержки парящими; волосы же и головные уборы их от пыли, поднимаемой конями, спасает благоприятное веянье ветра, исполнение их желаний обещающее; они вдыхают веющее с широких озер благоухание лотосов, несущее прохладу от плещущих волн и дыханию их уподобляющееся; в деревнях, ими же дарованных жрецам, жертвенными столбами отмеченных, они принимают вслед за дарами гостеприимства от свершающих обряды благословения нетщетные; и, приемля свежее топленое молоко от приходящих к дороге старейшин пастухов, спрашивают они о названиях лесных деревьев, которые видят по сторонам ее. Одаренные неописуемой красотой, в светлых одеяниях, они блистали в пути, словно месяц и звезда Читра в час их схождения, от холода избавленные. И прекрасный обликом властитель земли, планете Будаха подобный, меж тем как он указывал супруге то на то, то на это окрест, даже не заметил, как миновало время, которое они были в дороге.

48–53. К вечеру он, непревзойденный в славе своей, прибыл в сопровождении царицы с конями утомленными в обитель великого провидца и подвижника, которую заполнили тогда возвратившиеся с дровами, травой куша и плодами из отдаленного леса отшельники, приветствуемые дымками, над незримыми священными огнями восходящими; где толпились, осаждая двери хижин, лани, привыкшие кормиться рисом из рук жен мудрецов, словно их дети; где дочери благочестивцев, полив деревья в саду, тотчас удалялись от них, чтобы не вспугивать птиц, слетающихся попить из лужиц у их корней; где после захода солнца сгребали в кучи дикий рис, а лани, жуя жвачку, возлежали между тем в двориках у хижин; где клубы дыма, о полыхании святого огня свидетельствующие, благоухающие от жертвоприношений, летя по ветру, оведали к обители приближающихся гостей, тем их освящая.

54–56. Велев возникнуть распрячь коней, чтобы отдохнуть, царь сошел с колесницы и помог сойти супруге. Ему с царицею, защитнику своему, прозорливому правителю, почестей достойному, воздали почести учтивые отшельники, в самообладании несравненные. И по завершении вечерних обрядов он узрел великого подвижника, восседавшего вместе с Арундхати, словно бог огня с богиней Свахою.

57–59. Их стоп коснулись, склонившись, царь с царицею Магадхикой, и в ответ наставник с супругою приветствовали их любовно. И спросил о благополучии царства мудрец мудреца, чьей обителью было это царство, утомленного тряской в пути на колеснице, но гостеприимством умиротворенного. Тогда отвечал разумной речью лучший из красноречивых, владыка богатств, крепостями вражьи овладевающий, обращаясь к тому знатоку заклинаний:

60–64. «Благополучным будет государство мое во всех семи ведомствах, доколе ты отвращаешь от него несчастья, от богов или от людей исходящие. Ты же, творец мантр, мантрами теми укрощаешь моих врагов уже издалика, посрамляя стрелы мои, которые могут поражать лишь зримые цели. Возлияния, совершаемые тобою, о жрец, на жертвенные огни согласно предписаниям, обращаются в благодатный дождь для иссушенных засухой посевов. И могущество святости твоей — причина тому, что мои подданные живут до предела жизни человеческой, не ведая тревог и бедствий. Как же не благоденствовать мне безмятежно и безбедно, когда ты, досточтимый отпрыск Брахмы, о частии моем печешься?»

65–69. Но не радует меня власть над землею с ее материками, сокровища рождающей, пока не вижу от этой невестки твоей достойного потомства. Ныне предки мои, предвидя прекращение даяний по моей кончине, на поминальной жертве не сходят вдоволь — в заботе о припасах от обрядов на будущее. И пьют ныне прашуры воду возлияний, вздохами их подогретую, ибо после меня едва ли от кого-нибудь они чают ее получать. Потому, хотя очищает душу мою приношение жертв, гнетет ее отсутствие потомства, и ясен я, и мрачен, как гора Локаалока между вечными светом и тьмою. Суровые обеты и щедрые дары ведут к блаженству на том свете, но дитя, отпрыск чистого рода, и здесь, и по ту сторону — вечная утеха.

70–72. Почему же, видя меня ее лишенным, ты не скорбишь, о благодетель, как о бесплодном деревце в саду обители, тобою с любовью возвращенном? Знай, о блаженный, что мне уже невыносима причиняемая этим последним долгом мука, как натертая цепью рана для слона, лишенного ухода. Будь милостив, сделай так, чтобы от этого меня избавить, отче. Ведь разрешить все преткновения тяжкие, что встают перед потомками Икшваку, один ты способен».

73–74. Когда царь ему это поведал, застыл на мгновение в глубокую думу погруженный, сомкнувший вежды провидец, словно озеро, в котором не плещут рыбы. И сосредоточением внутренним он узрел причину, по которой воздвиглась преграда продолжению рода владыки земли, и он ее ему открыл, возвышенный душою.

75–79. «Некогда случилось так, что на пути у тебя, возвращавшегося после служения Шаке на землю, оказалась корова Сурабхи, возлежавшая в тени волшебного дерева. Поглощенный мыслью о царице, свершившей в ожидании тебя омовение после месячных, тревожащийся, как бы долгом своим не пренебречь, ты не приветствовал корову, меж тем как должен был обойти ее почитательно слева направо. И она заклала тебя: „Раз ты меня презрел, не будет у тебя потомства, пока ты мое дитя не умилостивишь“. Ни ты, ни колесничий твой не услышали тогда это заветное, заглушенное ревом потока небесной Ганги, в которой бушевали мировые слоны. Знай же, что от того небрежения и возникло препятствие твоему желанию, ибо не служит ко благу неуважение к достойным уважения».

80–81. Сейчас ради доставления возлияний Прачетасу, свершающему долгое жертвоприношение, она пребывает в подземном мире, врата в который охраняют змии. Пусть дочь Сурабхи тебе ее заменит; очистившийся, вместе с супругой воздай ей почести; умилостивленная, и она ведь может исполнить твои желания».

82–85. И только что молвил так жрец, корова по имени Нандини, жертвенные возлияния ему дарующая, вернулась, безупречная, из леса, бледно-розовая, цвета нежного бутона, с изогнутым пятнышком из белых волосков на лбу, словно заря, увенчанная новой луною, с полным выменем, орошающая землю парным молоком, что, очистительной жертвы чище, при виде теленка потоком струится; и в близости

из-под ее копыт летящие пылинки, тела коснувшись властителя земли, той чистотой его наделили, что омовениями в водах в святых местах дается.

86. И узрев ее, чей облик был исполнен благодати, молвил великий подвижник, вновь обращаясь к нему, обряды заслужившему, обретшему надежду, что небесплодной мольба его будет:

87–91. «Считай, что скоро сбудется твоя мечта, о царь, ибо сразу же, когда ее назвали, явилась благая. Живи теперь в лесу и постарайся умиловить ту корову неукоснительным служением ей, подобно тому как обретаешь ты знание прилежными занятиями. Куда ни пойдет она, иди тоже, когда остановится, останавливайся, ложись, когда она ляжет, пей воду, когда она выпьет. И твоя преданности исполненная жена, благочестивица, пусть провожает ее, убаженную, по утрам до священного леса и вечером пусть встречает. Так и служи ей усердно, пока не умиловишь ее, и да не будет тебе препятствий, да станешь ты, как твой отец, во главе отцов, сыновей обретших».

92–93. «Да будет так», — склонившись, внял с супругою вместе наставлению учителя благодарный ученик, ведающий должные место и время. Тогда премудрый сын Творца, искренний в речах, отпустил для ночного покоя того могучего удачею властителя народов.

94–95. Хотя обладал он силою чудесной, даруемой подвижничеством, мудрец, в науке обрядов сведущий, царю всего лишь лесное жилище предоставил, дабы не нарушил тот обета. И со смиренной супругой верною своей, расположившись в хижине из листьев, указанной ему главою рода, на ложе из травы куша он провел ночь, об исходе которой возвестили ему звуки священных гимнов, возглашаемых того мудреца учениками.

Песнь II

Дар Нандини

1–2. И вот на рассвете повелитель подданных, славою богатый, выпустил в лес корову провидца, когда отняли от вымени и привязали теленка и приняла она от его супруги благовония и венки. И праведная жена владыки людей, превыше всех беспорочных славы достойная, последовала за нею по тропе, на которой пыль была освящена ее копытами, как Предание следует смыслу Откровения.

3–6. Но, сжалившись над возлюбленной женою, вернул ее царь и, славою умиленный, сам пошел пасти дочь Сурабхи, словно Землю, принявшую образ коровы, с четырьмя океанами, обратившимися в соски на ее вымени. И, следуя за коровой во исполнение обета, он отпустил остававшуюся свиту; не нужно ему было никого другого, чтобы охранить себя, собственное мужество — защита для потомков Ману. Пучками лакомой травы, почесываниями, отгоняя оводов, пуская пастись на воле без препятствий, умиловлял усердно корову ту владыка царей. Останавливаясь, когда она останавливалась, ступая за ней, когда она двигалась, замирая, наземь опустившись, когда ложилась, жаждая, когда пила воду, — как тень, следовал путем ее властитель земли.

7–14. Хотя сложил он с себя знаки царского достоинства, избытком явленной мощи выдавал он государя величие, подобный царственному слону, в срок являюще-

му ярое стремление свое, тока мускуса и не обнаруживая. С волосами, стянутыми в узел дикими лианами, он скитался по дебрям с луком наизготове, словно задавший целью под предлогом защиты священной коровы отшельника укротить всех злобных хищников леса. Ему, отказавшемуся от спутников, равному богу, Носителю Петли, пели хвалебный гимн дерева вдоль дороги заливающихся самозабвенно птиц голосами; его, достойного почестей, подобного другу бога ветра, ветром колеблемые молодые лианы осыпали, когда близко проходил он, своими цветами, как по обычаю горстями риса девы его столицы; и лесные лани, взирая на него, вдоволь тешили взоры свои, по облику его чуждым безмятежными сердцами благое грозного лучника милосердие. Он слышал, как в зарослях лиан под звуки наполняемых ветром стволов бамбука, как флейты играющих, громкими голосами поют ему славу божества леса. И ветерок, напоенный прохладой горных водопадов и благоуханием цветов, тихо качая ветви деревьев, овеивал его, палимого зноем и лишенного зонта, очистившегося благочестивым служением. Лесной пожар угас и без дождя, когда углубился он в чашу леса как его хранитель; на деревьях явилось изобилие цветов и плодов; и сильный среди зверей перестал обижать слабого.

15–18. И на исходе дня, освятив своим странствием просторы между странами света, сияние солнца и корова мудреца, оба цветом багряные, как юная лоза, napravили путь свой к ночному убежищу. За нею, дающей содержание обрядам в честь божеств, и предков, и гостей, последовал владыка срединного мира, и с ним, почитаемым праведными, она предстала, как воплощенная вера со свершением посвященных ей деяний вкупе. Он шел, и стада буйволов, покидающие тенистые пруды, павлины устремляющиеся к деревьям для ночлега, олени, ложащиеся в траву на лужайках, являлись взору его в сумеречных лесах окрест. И красили обою дорогу из леса к обители, плавно шествуя, — корова, отягченная бременем вымени, кормящего лишь одного теленка, и мощный станом царь.

19–22. Когда же, следуя за коровой Васишты, он вернулся из леса, не могла жена оторвать от него глаз, изголодавшихся от поста ожидания, и век почти не смыкала. А корова, предшествовавшая царю, что держался в пути позади, встреченная законной женою царя, блистала тогда между ними, как заря меж днем и ночью. И, обойдя почтительно слева даятельницу молока, Судакшина с блюдом неочищенного ячменя в руках, преклонившись, почтила им ее голову между рогами — врата для исполнения заветного желания. Томящаяся по теленку, остановилась та все же и приняла поклонение; и возрадовались супруги, ибо знак благоволения к почитателям у таких, как она, означает скорое вознаграждение.

23–25. Наставнику и супруге его затем в ноги пав и свершив обряд вечерний, Дилипа, царь, что врагов истреблял могучей рукою, почтил снова служением корову, возлежавшую по завершении доения. Вместе с женою близ нее расположившись, где помещены были приношения и светильники, он отходил ко сну, когда она засыпала, и восставал поутру, когда она пробуждалась. Так, блюдя обет ради обретения потомства, славы своей достойный, провел он с царицею, к избавленью угнетенных привычный, всего трижды по семь дней.

26–29. На следующий после этого день священная корова мудреца, желая испытать преданность своего почитателя, вошла в горную расщелину во владениях отца Гаури, поросшую свежей травой, там, где с гор низвергается Ганга. Царь, и в мыслях не воображавший, что какой-нибудь хищник посмеет посягнуть на нее, залобовался

тогда красотой гор и не усмотрел, как ринулся внезапно на корову лев и будто бы схватил ее. Ее мычание, отраженное протяжно эхом в ущельях, заставило властителя, доброго к страждущим, оторвать взор от царственной горы, словно оттянуло его узою. И увидел лучник льва на розово-коричневой корове, подобного цветущему дереву лохтра на нагорье, рдеющем заключенными в нем залежами руды.

30–33. Тогда царь, защитник, рьяный врагов истребитель, оскорбленный, стрелу уже хотел извлечь из колчана, дабы убить убийства достойного того царя зверей, царю зверей сам поступью подобный. Но замерла недвижно, как на картине, десница бойца, и пальцы ее застыли на блеск ногтей отразившем древке стрелы, оперенной перьями цапли. Словно змей, заговором и целебной травой укрощаемый, вскинулся царь, пылая отвагой и гневом, возросшим от препоны, руку сковавшей, не в силах испепелить представшего столь близко оскорбителя. И тогда ему, другу благородных, знамени рода Ману, величием льва наделенному, лев, корову схвативший, молвил человеческим голосом, в еще большее удивление его повергнув, своим состоянием удивленного.

34–40. «Не утруждай себя, властитель земли, если бы и удался тебе удар тем оружием, тщетным бы он остался. Хватит силы ветру вырвать с корнем дерево, но не поколебать гору. Знай, что имя мое — Кумбходара, Никумбхе равный, я — слуга Бога восьми воплощений, спина моя освящена стопами его, достаивающего восходить по ней на своего быка, белоснежного, как гора Кайласа. Видишь этот деодар — он был усыновлен тем богом, что несет образ быка на знамени, и он познал вкус молока, изливающегося, как из золотых сосудов — кумбха, из груди матери Сканды. Однажды лесной слон терся о него головою и ободрал ему кору; и огорчилась дочь Горы, как если бы демоны поранили в бою сына ее — Полководца. С той поры назначил мне Носитель трезубца, превратив меня во льва, пребывать в этой горной долине, чтобы отпугивать лесных слонов, питаться же мне дано теми животными, что забредут сюда. Теперь, в час, назначенный Верховным Владыкой, мне, проголодавшемуся, как раз кстати будет эта кровавая трапеза, как нектар луны — Врагу богов. Потому оставь угрызения и возвращайся, достаточно явил ты преданности своему наставнику, как приличествует ученику. Не померкнет слава оружия воина, когда вверившегося его защите оружие защитит бессильно».

41–42. Выслушал людей повелитель ту дерзкую речь повелителя зверей, и чувство вины его ослабло, когда он узнал, что это властью Горного бога отвращено было его оружие. Не в силах пустить стрелу — впервые выдалась его оружию неудача, — как у Громовержца, чьего грома удар остановлен был взглядом Треокого бога, — он так ответил:

43–45. «Наверное, тебе покажется смешным, о властитель зверей, то, что я вымолвить смею, будучи скован в движениях, но я все равно скажу, ибо ведомы ведь тебе все потаенные чувства живых существ. Того, кто есть причина творения, сохранения и убывания всего недвижимого и движущегося, я почитать обязан; но не могу же я смотреть безучастно, как на глазах гибнет наставника моего имение, необходимое ему для поддержания священного огня. А потому изволь утолить свой голод моим телом и отпусти корову великого провидца; уже томится по ней ее теленок на исходе дня!»

46. На это осклабился тот приближенный Владыки существ, мрак в глубине ущелья блеском клыков своих отчасти рассеяв, и заговорил опять, к владельцу богатств обращаясь:

47–50. «Безрассуден ты, мне кажется, если за такую малость так много отдать хочешь, — и власть над миром под единой эгидой, и молодость свою, и свое прекрасное тело. Если так сострадателен ты к живым существам, подумай: смерть твоя послужит во благо одной этой корове, между тем как оставшись в живых, ты народ свой, о народа покровитель, долго еще от невзгод ограждать будешь, подобно отцу своему. А если боишься, что провинность твоя навлечет на тебя гнев твоего наставника, у которого эта корова — единственная, разве не в твоей власти утисить это пламя Кришану, даровав ему несметные стада коров — и чтоб у каждой вымя с бадью? Так побереги свое тело, исполненное сил, оно еще дарует тебе много радостей. Говорят же, что процветающее царство — тот же рай Индры, только что на земле расположенный».

51. И когда, молвив это, умолк царь зверей, сама гора отозвалась громким эхом в ущельях, будто повторяя с ликованьем его слова хранителю земли.

52. Но, речи слушателя бога вняв, возразил ему владыка людей, еще большей жалостью проникшийся к подмятой им корове при виде испуганных глаз ее, на царя устремленных:

53–58. «Воистину, высокое звание кшатры славится в мирах защитой других от убийства. Тому, кто от обычая этого отвращается, — зачем ему царство или жизнь, запятнанная бесчестием? И как можно умиловить великого провидца дарованием ему других коров? Знай, что корова эта самой Сурабхи не ниже, и конечно же только могущество Рудры позволило тебе посягнуть на нее! Поэтому она вполне достойна того, чтобы я спас ее от тебя, отдав свое тело взамен, и так и трапезе твоей, после поста полагающейся, помехи не будет, и обряды мудреца отсутствием средств не нарушатся. Ведь и сам ты, повинувшись воле другого, с великим усердием охраняешь этот деодар, и потому поймешь, что нельзя безнаказанно предстать перед тем, кто вверил кого-то твоему попечению, если ты дал тому погибнуть. А если уж заботаешься ты о том, чтобы остался я невредим, сжался над честью моей, она же и есть мое тело. Не о плоти, из праха возникшей и обреченной кончине, таким, как я, сокрушаться пристало. Говорят, что дружба рождается из беседы; она и возникла ныне между нами, встретившимися здесь, в глубине леса. Так не отвергни же мою просьбу, о спутник Владыки существ, теперь, когда я стал твоим другом!»

59–61. «Да будет так», — молвил тот и отпустил корову, и Дилипа, внезапно ощутивший свободу движений, сложил оружие и уже готов был отдать желтому свое тело, как кусок мяса; но в тот миг, когда поник главою защитник подданных в ожидании страшного львиного прыжка, сверху пал на него дождь цветов, которыми осыпали его руки видьядхар. «Восстань, сын мой», — вняв этим сладостным, как нектар, словам, восстал царь и увидел перед собою, словно собственную мать, корову, источавшую молоко, и уже не увидел льва.

62–63. И сказала ему, изумленному, корова: «О благочестивый, то был только призрак, созданный мною, чтобы испытать тебя. Такого могущество провидца — сам бог смерти не в силах поразить меня, что уж говорить о каких-то хищниках! Я довольна твоей преданностью наставнику и твоим состраданием ко мне; выбирай, сыне, какую хочешь ты милость от меня, знай, что я могу даровать не только молоко, но также исполнение желаний — тому, кто убогаторвит меня».

64. Тогда тот благодетель просящих сложил молитвенно руки, завоевавшие ему имя героя, и просил о сыне для Судакшины, который продолжил бы его род и обрел бесконечную славу.

65. «Да будет так», — обещав исполнить просьбу возжелавшего потомства, та да-
рительница молока повелела царю: «Подой меня, сыне, в сосуд из листьев и молока
вкуси».

66. «Только с разрешения провидца, мати, пожелаю я отведасть молока, что оста-
нется после твоего теленка и после того, как выделят потребное для обряда; так беру
я шестую долю от охраняемой мною земли».

67. Таким обращением властителя земли еще больше довольна была корова Ва-
сиштхи и, сопровождаемая им, возвратилась, неустоленная, из долин Химавана
в обитель.

68–69. С ликом ясным, как месяц, поведал владыка царей владыке о милости, ею
дарованной, о коей возвещала уже радость, звучавшая в речах, которые повторил он
и возлюбленной супруге своей. И с соизволения Васиштхи он, безупречный душою,
к праведным добрый, выпил, жаждущий, оставшееся после теленка и после доли для
жертвоприношений то молоко Нандины, как слава его, светлое.

70–71. На следующее утро, после трапезы, полагающейся по окончании обетного
поста, Васиштха, самообладания исполненный, благословил в дорогу ту супружескую
чету, возвращавшуюся в свою столицу. Обойдя слева направо жертвенный огонь
и следом так же почтив владыку, и Арундхати, и корову с теленком, царь, чье могу-
щество еще возросло после обрядов благословения, отправился в путь.

72–74. Радостным было путешествие его с благоверной супругой, испытание вы-
несшего, — на колеснице, катящейся плавно, с приятным для слуха шумом, — словно
несло его само сбывшееся его желание. И когда, изнуренный ради потомства приня-
тым обетом, он вернулся к своим подданным, истомившимся, долго его не видя, они
не могли наглядеться на него, как смотрят после новолуния на властелина растений,
на небо восходящего. Приветствуемый горожанами, блистая величием Сокрушителя
твердынь, он вступил в свой город, в честь его поднявший флаги, и в длань свою, ца-
рю змиев мощью равную, принял вновь бремя власти над землею.

75. Как небо взлелеяло возникшее из ока Атри светило, как река богов приняла
Огнем извергнутый пыл Владыки, так понесла тогда царица плод, заключивший
в себе могучие силы всех хранителей мира, блага царского рода ради.

Песнь III

Восхождение Рагху на царство

1–6. И вот в знак близящегося исполнения желания супруга явила Судакшина бе-
ременности приметы, обещающие продолжение рода Икшваку, — как лунное сияние,
проглянувшее в небе, для взоров ее подруг они были. Снявшая лишние украшения
с исхудавшего тела, с бледным, как цветок лодхры, лицом, она подобна стала ночи
в предрассветный час, когда звезды редуют в тускнеющем свете луны. И владыка
страны, когда приближался к ней, не мог насытиться ароматом земли из уст ее, как
слон, чующий близость пруда в лесу, благоухающем после выпавших дождей из туч
на исходе лета. Ведь как Вождь Марутов над небом, так сын ее будет властвовать над
землею, коей пределов колесницы его достигнут, — не потому ли более, чем к иным
яствам, ее к этому прежде всего потянуло? «Чего бы такого хотелось Магадхикье? —

из скромности не объявляет она мне своих желаний» — так то и дело спрашивал заботливо у любимых подруг ее властитель Северной Косалы. И что бы, угнетаемая тяготами беременной, она ни попросила, то и являлось перед нею, ибо ничего — хотя бы и на небесах — не могла она пожелать, что было бы недоступно для владыки земли — стоило ему напрячь тетиву лука.

7–12. Постепенно, тяготы беременности преодолев, окрепла телом и воссияла она — так лиана, с которой осыпались увядшие листья, потом одевается побегов чарующим нарядом. Дни шли, и перси полные ее с потемневшими сосками затмили красоту расцветших лотосов с прильнувшими к ним пчелками. И убедился повелитель, что несет царица плод во чреве, как заключает сокровище в недрах своих земля, опоясанная морями, как таит огонь в себе дерево шами, как река Сарасвати скрывает поток свой под землею. Тогда повелел он, мудрый, совершить в должном порядке обряд ради рождения сына и другие обряды, и чтобы достойны они были его любви к супруге, души его благородства и богатств, мощью длани его обретенных в земных пределах, и его счастья также. И, войдя в ее покои, повелитель с радостью взирал на нее, когда она поднялась с трудом ему навстречу, отягченная бременем, вместившим доли главных божеств, со слезами на глазах, уставшая складывать руки в ладони. Меж тем как опытные врачи, искусные во возвращении дитяти, позаботились как должно о благополучии плода, возрадовался владыка, видя, что близка она к разрешению от бремени в срок, подобная небу, затянутому облаками.

13–15. И в должное время, богине Шачи равная, родила она сына, чьей счастливой судьбы обретения предсказаны были пятью планетами, что взойшли к зениту, не возвращаясь в солнце, — так тройное царей могущество непреходящее богатство принесит. Озарились страны света, повеяли благие ветра, священный огонь принял жертву, языки отклоняя вправо; все в этот миг стало знамением счастья — ибо во благо мира появление на свет подобных бывает. Ночные светильники померкли внезапно и, казалось, превратились в собственные изображения на стенах, когда воссиял над ложем роженицы свет от самого новорожденного, благополучно явленного.

16–17. Когда же прислуга женских покоев возвестила властителю земли о рождении сына, только три вещи в мире оставались, которые бы он, той вестью, как нектаром, упоенный, не был готов отдать за нее в награду, — царский зонт, светлый, как месяц, и оба царских опахала. И глядя взором неотрывным, словно застывшим, как лотос в безветрии, на милое лицо своего сына, царь не мог сдержать переполнявшей его радости, как океан своих вод при виде месяца в час прилива.

18–20. И когда все полагающиеся при рождении обряды были совершены Васьишхоу, родовым жрецом, подвижником, прибывшим для этого из лесной обители, еще ярче воссиял сын Дилипы, как извлеченный из недр драгоценный камень после шлифования. И услаждающие слух звуки праздничных литавр, что сопровождали веселье пляски избранных красавиц, доносились не только до чертогов супруга Магадхийки, но и до небесной стези богов. Не было узников в его царстве, которых он мог бы освободить в ознаменование рождения сына, и потому пришлось ему, благодетелю, довольствоваться тем, что себя самого освободил он от тех уз, что налагает долг перед предками.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Осипов Ю.С., Садовничий В.А.</i>	3
<i>Тихвинский С.Л.</i> Юбилей востоковеда (к 70-летию академика Г.М. Бонгард-Левина)	4

I Древние цивилизации Востока

<i>Андросов В.П.</i> Трактат Нагарджуны «Коренные строфы о срединности» (Mūla-madhyamaka-kārikāḥ)	11
<i>Баюн Л.С.</i> «Аппу и его сыновья». Индоевропейские элементы в ближневосточном культурном контексте	20
<i>Васильков Я.В., Разаускас Д.</i> Балтийский ключ к проблеме Вия–Вайю	24
<i>Вигасин А.А.</i> Царь Пиядасси devānapriya	47
<i>Воробьева-Десятовская М.И., Темкин Э.Н.</i> Фрагмент рукописи «Buddhanāma-sūtra» из коллекции Н.Ф. Петровского	54
<i>Дандамаев М.А.</i> Нововавилонские документы об усыновлении	60
<i>Иванов Вяч.Вс.</i> О протоиндийской печати с клинописной надписью	73
<i>Лившиц В.А.</i> Согдийские документы из замка Чильхухджра	77
<i>Литвинский Б.А.</i> Буддизм среди иранцев	89
<i>Лысенко В.Г.</i> «Принцип корреспонденции»: версия Прашастапады	99

<i>Мунчаев Р.М.</i> Северная Месопотамия: некоторые итоги 30-летних исследований русской экспедиции	107
<i>Погребова М.Н.</i> Сакамена и археологическая реальность	129
<i>Полосьмак Н.В.</i> Некоторые исторические и этнографические аспекты изучения древнего текстиля и одежды (по материалам пазырыкской культуры Горного Алтая)	138
<i>Раевский Д.С.</i> Звериный стиль скифской эпохи как культурно-исторический феномен индоиранского мира	147
<i>Седов А.В.</i> О начале денежного обращения в древней Южной Аравии	155
Калидаса. Поэмы (перевод с санскрита В.Г. Эрмана)	169

II Проблемы античной истории и культуры

<i>Аверинцев С.С.</i> ΑΡΧΗ ΤΟΥ ΕΥΑΓΓΕΛΙΟΥ ΙΗΣΟΥ ΧΡΙΣΤΟΥ: к пониманию начальных слов Евангелия от Марка	181
<i>Гаилов В.А., Кошеленко Г.А.</i> Уникальный трофей	186
<i>Гаспаров М.Л.</i> Начало «Пуники» Сиция Италика: переводческий эксперимент	197
<i>Иванчик А.И.</i> Что погубило киммерийцев в Геракле Понтийской: вегетарианство или женщина?	205
<i>Казанский Н.Н., Крючкова Е.Р.</i> Древнегреческо-древнеиндийский билингвизм	214
<i>Маринович Л.П.</i> Об одном источнике по проблеме афино-боспорской торговли	232
<i>Сапрыкин С.Ю.</i> Аристарх Колхидский	238
<i>Фролов Э.Д.</i> «Сицилия для сицилийцев» (геополитическая программа Гермократа Сиракузского в изложении Фукидида — IV. 58–65).....	251

<i>Чистяков Е.</i> Гесиод, Овидий и Книга Бытия.....	271
---	-----

III

Античное и восточное наследие в культуре России

<i>Карпов С.П.</i> А.А. Васильев о вкладе русских ученых в развитие византиноведения	279
<i>Карпук С.Г.</i> Греческий полис в российской историографии.....	292
<i>Медведев И.П.</i> Недодуманные мысли. Письма русских антиковедов и византинистов как особый жанр историографии (на примере переписки И.В. Помяловского)	300
<i>Мясников В.С.</i> Открытие сокровенности древнего Китая (санскритолог, синолог, японовед — Роберт ван Гулик)	311
<i>Подосинов А.В.</i> Овидий в поэзии Мандельштама и Бродского: парадоксы рецепции	320
<i>Тункина И.В.</i> Забытый исследователь древностей Боспора конца XVIII в. — Ф.К. Биберштейн	340

IV

Грани русской культуры. Россия и русское зарубежье

<i>Азадовский К.</i> Бальмонт: фамилия с двумя ударениями	355
<i>Ананьич Б.В.</i> Из зарубежного архива П.П. Мигулина (В.Н. Коковцов и П.П. Мигулин в эмиграции)	369
<i>Болховитинов Н.Н.</i> Теория евразийства и многотомная история России Г.В. Вернадского.....	374
<i>Каштанов С.М.</i> Inscriptio в жалованных грамотах светских властей церковным иерархам на Руси в XIV–XVI вв.	384

<i>Котрелев Н.В.</i> Вячеслав Иванов. «Аттика и Галилея» (из материалов к комментарию на корпус лирики)	397
<i>Лавров А.В.</i> Из эпистолярного наследия М.И. Ростовцева (Письма к М.К. Лемке)	410
<i>Янин В.Л., Гайдуков П.Г.</i> Новая печать константинопольского патриарха Матфея I	416

V Всеобщая история и культура

<i>Арутюнов С.А.</i> Современный антропологический состав населения Индостана и историческая ретроспектива его формирования	421
<i>Козлов В.П.</i> Документ в состоянии покоя как явление и отражение истории и культуры сквозь призму архивоведения и археографии	440
<i>Молодин В.И.</i> Кресты-тельники Европы как объект научного изучения	448
<i>Стеблин-Каменский И.М.</i> Анекдоты про востоковедов.....	470
<i>Тихвинский С.Л.</i> Древний мир в «Истории человечества», издаваемой ЮНЕСКО	487
<i>Фурсенко А.А.</i> Несостоявшийся саммит: провал Парижского совещания в верхах 1960 г.	500
Список сокращений	506
Библиография основных научных публикаций академика Г.М.Бонгард-Левина.....	509

Научное издание

Scripta
Gregoriana

Сборник

в честь семидесятилетия
академика Г.М.Бонгард-Левина

Редактор Н.В.Баринова

Художник Э.Л.Эрман

Технический редактор О.В.Волкова

Корректор И.И.Чернышева

Компьютерная верстка Н.А.Важенкова

Подписано к печати 25.06.03
Формат 70×100¹/₁₆
Печать офсетная. Усл. п. л. 42,9 + 0,65 (вкл.)
Усл. кр.-отт. 46,0. Уч.-изд. л. 48,1
Тираж 800 экз. Изд. № 8098
Зак. № 8311

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-018383-0

9 785020 183834 >

